

АЛЕКСЕЙ ГАЛАХОВ

СОРОКОВЫЕ
ГОДЫ

Алексей Галахов
Сороковые годы

«Public Domain»

1892

Галахов А. Д.

Сороковые годы / А. Д. Галахов — «Public Domain», 1892

«Выражение: «сороковые годы», «люди сороковых годов», не редко употреблялись и теперь еще употребляются для обозначения того усиленного интеллектуального движения, которое началось и действовало в Москве, совпадая с тем периодом времени, когда попечителем Московского учебного округа был граф С. Г. Строгонов (1835-1847). Вторым выражением Писемский даже озаглавил один из своих романов, к сожалению, весьма неудачный...»

© Галахов А. Д., 1892

© Public Domain, 1892

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Алексей Галахов

Сороковые годы

I

Выражение: «сороковые годы», «люди сороковых годов», не редко употреблялись и теперь еще употребляются для обозначения того усиленного интеллектуального движения, которое началось и действовало в Москве, совпадая с тем периодом времени, когда попечителем Московского учебного округа был граф С. Г. Строгонов (1835-1847). Вторым выражением Писемский даже озаглавил один из своих романов, к сожалению, весьма неудачный. Необходимо заметить, что означенное движение не ограничивается в точности десятилетним периодом. Странно думать, что оно началось именно 1-го января 1840 и завершилось 1-го января 1850 года. Можно если угодно назвать это пространство времени выдающимся пунктом культурного прогресса, но начало его восходит к предыдущим годам нашего столетия, а последствия его раскрываются в течение последующих, частью изменяясь, а частью и заменяясь другими движениями или веяниями.

Второе замечание относится к отрицанию особенного значения сороковых годов в нашем культурном прогрессе. По мнению некоторых журнальных статей, сороковые годы стоят на одном уровне с предшествовавшими им и следовавшими за ними. В доказательство приводятся свидетельства представителей того времени (например, И. С. Аксакова), что общественное положение несколько не изменялось к лучшему. Рассуждать таким образом значит иметь ложное понятие о тех эпохах, которым присвоено название выдающихся, прогрессивных, и которым принадлежат времена Перикла, Августа, Людовика XIV, наконец век просвещения – XVIII-й век. Последний, пожалуй, окажется наиболее худшим, так как народ был погружен в невежество, в высших сферах господствовали крайние злоупотребления, разврат и ханжество, да и самые светила философии не отличались достаточным нравственным цензом. Однако ж, никто не сомневается в исторической важности указанных эпох. Дело не в том, как жили те или другие субъекты в эпоху прогресса, а в самом прогрессе и его последствиях, – в тех новых началах, которые он кладет для серьезного умственного развития и нравственного улучшения, для более точного, правдивого самосознания, как для отдельных лиц, так и целых масс. Чацкий – один среди людей минувшего века, но он уже усвоил иной образ мыслей, которому предстояло торжество. И. Киреевский, в статье по поводу постановки «Горя от ума на Московской сцене», высказал пустоту жизни москвичей, их равнодушие ко всему нравственному и умственному, но в то же время он представил и исключения, т. е. людей, которые развивают в себе чувства возвышенные с правилами твердыми и благородными.

Усиленное стремление московского юношества к более серьезному образованию ведет свое начало, по моему мнению, с двадцатых годов, когда профессор М. Г. Павлов, по возвращении из-за границы, открыл свои лекции сельского хозяйства и минералогии. Он первый дал студентам понятие о господствовавшей в то время философии Шеллинга, или, точнее, о применении этой философии к естествоведению одним из его последователей – Океном. Новизна взглядов, мастерство их изложения в логическом и стилистическом отношении сильно действовали на слушателей и, кроме того, привлекали в университет постороннюю любознательную молодежь из наиболее просвещенных семейств высшего московского общества. Между этими юношами, поступавшими на службу преимущественно в московский архив иностранных дел и потому прозванных «архивными», особенно выдавался князь В. Ф. Одоевский своею любовью к высшему знанию, к так называемой трансцендентальной философии. Он устроил у себя в доме философское общество, которое посещалось его товарищами по службе

и по образу мыслей, а в 1824 году издавал сборник «Мнемозину» для ознакомления читателей с философией Шеллинга. В нем помещено несколько статей Павлова и самого издателя: последнему принадлежат отрывки из истории философии и по эстетике, основанной на идеях Шеллинга и долженствовавшей положить конец французским, лжеклассическим эстетическим понятиям, представителем которых в то время был профессор Мерзляков.

Новые органы журналистики содействовали с своей стороны университетскому влиянию. Кроме сборника «Мнемозина», в двадцатых годах явились «Телеграф» (Н. Полевого), «Московский Вестник» (Погодина), «Европеец» (И. Киреевского). Даже дряхлеющий «Вестник Европы» значительно обновился, благодаря сотрудничеству Н. И. Надеждина. По своим направлениям и содержанию, эти новые периодические издания в Москве взяли перевес над таковыми же петербургскими.

Потребность серьезного учения возрастало более и более. В тридцатых годах философия Шеллинга уступила свое место философии Гегеля, которая заинтересовала кружок любознательных студентов, преимущественно историко-филологического факультета, собиравшихся у их товарища Н. Станкевича. Главными лицами этого кружка были К. Аксаков, Катков, Ключников, Белинский. Последний, по незнанию иностранных языков, своим знакомством с немецкой эстетикой и с немецкой поэзией, преимущественно с Шиллером, много обязан Станкевичу, в своих беседах разъяснявшему сущность той и другой. В университете лекции Н. И. Надеждина, профессора теории изящных искусств, сильно влияли на молодежь, равно как и основанный им журнал «Телескоп» вместе с листком «Молва», в котором Белинский выступил как критик, уже подготовленный к своему делу беседами с Станкевичем и лекциями Надеждина. Наконец, в тридцатых же годах развилось так называемое славянофильство, занимающее весьма почетное место в истории нашего самопознания. Основателями и разъяснителями этого учения были А. Хомяков, К. Аксаков, И. Киреевский и (позднее) Ю. Самарин.

Сороковые годы относятся преимущественно к двенадцатилетнему управлению графа С. Г. Строгонова Московским учебным округом. До официального назначения его на этот пост, будучи полковником и флигель-адъютантом, он обстоятельно знакомился с университетским преподаванием, т. е. посещал лекции тех или других профессоров. Надобно отдать ему справедливость и за то, что при всем уважении истинной учености он обращал большое внимание на нравственную пробу преподавателя: невнимательное отношение к своей обязанности или уклонение от неё к другому делу, тщеславие, nepoтизм, отсутствие справедливости и благородства, неправильный образ жизни были им нетерпимы и презираемы. Все, например, знали, что он не жаловал четырех профессоров, хотя по своим лекциям они стояли на видном месте. Один (И. И. Давыдов) отталкивал его чрезмерным самолюбием и непрямыми путями в своих действиях¹, другой (Д. М. Перовшиков) – nepoтизмом и хитростью, прикрываемую простотой себе на уме²; третий (С. П. Шевырев) – раздражительностью и педантизмом; четвертый (М. П. Погодин) – многостороннею, разбросанною деятельностью, мешавшею ему всецело посвятить себя избранному им предмету – истории. Утверждали, будто графу не нравились эти лица потому, что к ним в особенности благосклонно относился министр С. С. Уваров, бывший с ним не в ладах. Может статься, это и справедливо, но только отчасти, а не вполне. Обращение этих личностей с их меценатом, при поездке в его подмосковное поместье Поречье, заставляло многих пожимать плечами, особенно после статьи Давыдова в «Москвитянине», повествующей о проведении времени в означенном имении. Прочитав ее, граф Строгонов,

¹ Ключников охарактеризовал его в чрезвычайно злой эпиграмме. См. также и другие свидетельства, например, в «Русск. Архиве» 1888 г., VIII, стр. 482, Письма Каткова к А. Н. Попову. Здесь Давыдов обличается в плагиате, т. е. в присвоении себе критических заметок Ф. И. Буслаева о книге Павского («Филологич. наблюдения над составом русского языка»). Впоследствии, давая отчет в «Москвитянине» о каком-то грамматическом труде Давыдова, Буслав привел, между прочим, следующий пример: «нельзя уважать человека, который вредит другим своими проделками».

² Ibid., стр. 493.

при свидании с автором, обратился к нему с таким вопросом: «не знаете ли, кто написал эту лакейскую статью? Не думаю, чтобы она могла понравиться Сергию Семеновичу»³.

Другое важное достоинство графа Строгонова состояло в том, что он радел о замещении вакантных кафедр свежими, капитально образованными силами. Из среды студентов, оканчивающих курс, он покровительствовал тем, которые желали посвятить себя ученому званию, и содействовал отправлению их за границу для усовершенствования в той науке, на кафедру которой они желали поступить. При нем явились в Московском университете такие личности, как Грановский, Соловьев, Катков, Леонтьев, Кудрявцев, Буслаев...

Корпорация студентов за все время попечительства графа была примерная по своему стремлению к высшему знанию и по отношению к лекциям. некоторые профессора пользовались их особенною любовью за то, что позволяли им в праздничные дни приходить к себе для бесед, сообщали им научные новости, позволяли пользоваться книгами из своих библиотек и давали советы для их собственных работ. В pendant ко всему этому инспектор студентов был образцовый – Нахимов, родной брат знаменитого защитника Севастополя. Не отличаясь ни дарованиями, ни образованностью, даже плативший дань Вакху, он по какому-то благодатному инстинкту умел обращаться с молодежью. Студенты любили его, как родного, хотя и посмеивались над его наивностью. Много ходило о нем анекдотов, не выдуманных, а действительно бывших. Вот один из них, весьма характеристичный. Студентам запрещалось отпускать длинные волосы, за чем, разумеется, должны были наблюдать инспектор и его помощники. Одному из таких длинноволосых Нахимов несколько раз говорил сходить к цирюльнику, но все напрасно: студент обещал, но не исполнял своих обещаний. «Слушай, – сказал ему Нахимов, выведенный из терпения:– если я еще раз встречу тебя⁴ в таком виде, то непременно исключу из университета. Даю тебе честное слово. Понимаешь?» – «Понимаю, Павел Степанович». На другой или третий день Нахимов отправляется в университет. Повернув с Тверской улицы в университет по Долгоруковскому переулку, он к ужасу своему видит, что с другого конца этого переулка, т. е. от Большой Никитской улицы, идет ему навстречу означенный студент, и не стриженный. Бедный инспектор очутился между Сциллой и Харибдой. Сдержать свое слово – жалко студента; не сдержать – значит признать себя бесчестным. Положение бедовое, но добряк удачно из него вышел. – «Оборачивай назад, выезжай на Тверскую! – кричит он кучеру:– скорее, разиня!» Кучер исполнил приказание и тем спас студента от беды, а своего барина от бесчестия. Наконец, граф Строгонов неизменно выказывал в своем обращении и мнениях самостоятельность и прямизну. Не страдая тщеславием и честолюбием, он не заискивал в высших сферах и не терпел угодничества. Доказательством служит его отношение к министру народного просвещения. Некоторые находили в нем неприветливость и сухость сердца, но как согласить с таким отзывом многие противоречащие ему факты? Граф всегда был готов помочь предприятию, если оно имело своим предметом чтонибудь полезное: так он помог М. Н. Каткову и П. М. Леонтьеву при начале издания ими «Русского Вестника». Равно не отказывал он в заступничестве ни цензорам, ни авторам, по поводу каких либо их

³ Замечу, что гр. Строгонов был иногда очень резок в своих выражениях. Резкость эта порою переходила в комизм. Однажды явился к нему какой-то провинциал, отец двух гимназистов, жаловаться на то, что его дети после экзамена не переведены в следующий класс, и при этом часто повторял одну и ту же фразу: ведь они у меня, ваше сиятельство, преумные. «Верю, верю, – отвечал граф, – должно быть, в матушку». – На одном магистерском диспуте сидел он рядом с Грановским, а против них поместился О. М. Бодянский, положив одну ногу на другую и тем выказав особенность своих сапогов, подбитых крупными гвоздями, словно подковами. Граф обратился к своему соседу: «Посмотрите, Тимофей Николаевич, как во всем оригинален Осип Максимович. Мы с вами, если нам нужны сапоги, отправляемся к сапожнику, а он заказывает их в кузнице». Но, позволяя себе резкия выходки, граф спокойно выслушивал удачные, остроумные реплики. Вот один из нескольких примеров. В разговоре с Е. Ф. Коршем, известным многими серьезными литературными трудами, выражая ему, как редактору «Московских Ведомостей», свое неудовольствие за помещение какой-то статьи, граф, между прочим, сказал: «Поставьте себя на мое место». – Никак не могу, ваше сиятельство. – «Почему?» – Воображения не хватает: у вас шестьдесят тысяч душ.

⁴ Нахимов, как и некоторые из профессоров, обходился тогда без церемонии; но студенты несколько но обижались, что он пустое вы заменял сердечным ты.

недосмотров или провинностей. Правда, он редко своих посетителей (если они состояли под его управлением) приглашал садиться: они обязаны были стоя вести с ним беседу⁵, но за то эти стоящие нисколько не были стесняемы в изложении своих просьб и мнений. Граф охотно и снисходительно выслушивал дельные возражения.

В сороковых годах Московский университет мог похвалиться приобретением новых профессоров, молодых и талантливых, умевших поднять уровень высшего научного образования и возбудить в студентах не только любознательность, но и нравственные чувства стремления к благородным идеалам. Таковы были Грановский, Крюков, Соловьев, Катков, Леонтьев, Кудрявцев, Вуслаев. Петербургские журналы «Отечественные Записки» и «Современник», органы европеизма, открыли новую эру периодической прессы, равно как главный сотрудник их Белинский своими статьями открыл новую эру высшей литературной критики. Противовесом этих журналов служили в Москве представителя славянофильства – «Москвитянин» и отдельные сборники. Тогда же выступили многие литературные таланты, относящиеся к школе Пушкина и Гоголя, как их последователи: явление, подобное романтической школе у немцев с её представителями – Тиком и двумя братьями Шлегелями, или романтической школе во Франции с её представителем В. Гюго. Целая плеяда даровитых беллетристов, с Тургеневым во главе, быстро заполонила внимание и любовь публики. Имена их известны теперь всем и каждому: Гончаров, Майков, Некрасов, Григорович, Фет, Полонский, Достоевский, Писемский, Салтыков (Щедрин), Островский, граф Л. Толстой... Об них-то, равно как и о других лицах, известных в нашей литературе и науке и с которыми выпало мне счастье познакомиться в течение трех десятилетий (30-50 годов), хочу я поговорить в моих записках. Большинство их сошло в могилу и лично не было известно со временному поколению. Посмотрите: в «Воспоминаниях» А. Я. Головачевой-Панаевой, из тридцати трех писателей осталось только двое (Е. Ф. Корш и граф Л. Н. Толстой), а из артистов (актеров), если не ошибаюсь, не осталось ни единого. Какая богатая жатва смерти! какой бедный процент долгоденствия!

⁵ С. М. Соловьев получил приглашение садиться лишь после того, как занял место адъюнкта по кафедре русской истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.